

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.1, 343.2
doi: 10.17223/15617793/475/23

Правовая неопределенность норм о зачете срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания: проблемы правоприменения и пути решения

*Ольга Ивановна Андреева¹, Анастасия Анатольевна Рукавишникова²,
Михаил Константинович Свиридов³*

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ andreevai_70@mail.ru

² satsana@yandex.ru

³ kafedra.ups@mail.ru

Аннотация. Анализируется порядок зачета срока запрета выходить за пределы жилого помещения, как меры пресечения, в срок наказания. Авторы пришли к выводу о системных проблемах закона и практики в этой части, нарушении принципов равенства граждан, справедливости, правовой определенности, а также о наличии оснований для обращения в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о неконституционности уголовно-процессуального процессуального и уголовного закона в части регулирования рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: зачет срока, запрет определенных действий, неопределенность норм, равенство граждан перед законом и судом, справедливость наказания, правоприменительная практика, Конституционный Суд РФ

Для цитирования: Андреева О.И., Рукавишникова А.А., Свиридов М.К. Правовая неопределенность норм о зачете срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания: проблемы правоприменения и пути решения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 475. С. 191–196. doi: 10.17223/15617793/475/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/475/23

Legal ambiguity of norms on the set-off of the restraining order time period provided for in Item 1 Part 6 Article 105.1 of the RF Criminal Procedure Code as part of punishment: Problems of law enforcement and ways to solve them

Olga I. Andreeva¹, Anastasia A. Rukavishnikova², Mikhail K. Sviridov³

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ andreevai_70@mail.ru

² satsana@yandex.ru

³ kafedra.ups@mail.ru

Abstract. This article discusses the problem of the set-off of the restraining order time period, provided for in Item 1 Part 6 of Article 105.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as part of punishment. The analysis of the legislature shows that norms of the Criminal Code of the Russian Federation provide for the set-off of time in custody during preliminary investigation and up to the entry of a judgement into legal force as part of punishment. The length of detention is counted as part of punishment at the ratio 1:1; the length of home confinement is counted as the period of custody before pretrial proceeding and as part of punishment at the ratio 2:1. Both measures are related to the restriction of the right to freedom and privacy. Home confinement is equal to detention in terms of restriction of rights and freedoms. Establishing the special ratio for the set-off of time of home confinement to time of detention and to time of imprisonment, the legislator takes into account the fact that conditions of home confinement and of detention are different. Restriction of the right to freedom and privacy is related to prohibition of certain actions – to leave the house within a specific time period. The Criminal Code of the Russian Federation does not fix the possibility to set-off the restraining order time period as part of punishment and its ratio. The RF Criminal Procedure Code provides for the set-off, at the ratio of two days of the restraining order application to one day of detention. The analysis of the law enforcement practice shows that there emerged a situation of legal ambiguity of the legal regulation of the set-off of the restraining order time period, as fixed in Item 1 Part 6 of Article 105.1 of the RF Criminal Procedure Code, as part of punishment. Courts choose different ways to set-off the time of prohibition of certain ac-

tions as time of punishment. The existing ratio of the set-off of the period of home confinement and of prohibition to leave the house is unjust because it gives the same status to persons who are in conditions of full and partial isolation (with regard to the set-off of the period as part of punishment). The legislator, providing restrictive measures, different yet similar by nature, should guarantee equal protection rights. Introducing restrictive measures as restrictions and prohibitions, in force at different period of time, the legislator should have fixed a specific approach to the set-off of this prohibition as part of punishment. The authors come to a conclusion that nowadays there are grounds to apply to the Constitutional Court of the Russian Federation with a request on the unconstitutionality of criminal law and criminal procedural law on the considered problem. Before this problem is solved on the highest level, considering the essence of the restraining order provided for in Item 1 Part 6 of Article 105.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and following the general principles of penalty imposition, the authors propose to consider the specified time of the restraining order in hours and to define in total the period to be set off as part of punishment.

Keywords: set-off of time, restraining order, prohibition of certain actions, ambiguity of norms, equality of citizens before law and court, justice of sentence, law enforcement practice, Constitutional Court of Russian Federation

For citation: Andreeva, O.I., Rukavishnikova, A.A. & Sviridov, M.K. (2022) Legal ambiguity of norms on the set-off of the restraining order time period provided for in Item 1 Part 6 Article 105.1 of the RF Criminal Procedure Code as part of punishment: Problems of law enforcement and ways to solve them. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 475. pp. 191–196. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/475/23

Нормами УК РФ предусмотрен зачет времени ограничения (лишения) свободы в ходе предварительного расследования и до вступления приговора в законную силу в срок наказания. В соответствии с ч. 3 ст. 72 УК РФ время содержания лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу засчитывается в сроки содержания в дисциплинарной воинской части из расчета один день за полтора дня, ограничения свободы, принудительных работ и ареста – один день за два дня, исправительных работ и ограничения по военной службе – один день за три дня, а в срок обязательных работ – из расчета один день содержания под стражей за восемь часов обязательных работ, а в срок лишения свободы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3.2 и 3.3 ст. 72 УК РФ, из расчета один день содержания под стражей за: а) один день отбывания наказания в тюрьме либо исправительной колонии строгого или особого режима; б) полтора дня отбывания наказания в воспитательной колонии либо исправительной колонии общего режима; в) два дня отбывания наказания в колонии-поселении.

Частью 3.4 ст. 72 УК РФ определена пропорция (коэффициент кратности) зачета времени нахождения под домашним арестом. Так, время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания лица под стражей до судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы.

С одной стороны, мера пресечения домашний арест по уровню правового воздействия и способности ограничивать права и свободы подозреваемого, обвиняемого, подсудимого приравнивается к заключению под стражей, с другой – законодателем устанавливается специальная пропорция для зачета срока домашнего ареста в срок заключения под стражу и в срок лишения свободы, при этом учитывается, что условия нахождения под домашним арестом и при заключении под стражей отличаются в пользу благоприятности первых.

Вопрос о возможности зачета времени нахождения под домашним арестом, наряду со сроком нахождения

под стражей, в срок наказания неоднократно был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В своем Определении Конституционный Суд РФ указал, что при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, суд как орган правосудия призван обеспечивать одинаковые по своей природе судебные гарантии защиты прав и законных интересов личности. Исходя из позиции Конституционного Суда РФ (п. 2.1), это в равной мере распространяется на меру пресечения в виде домашнего ареста, которая, как и заключение под стражу, непосредственно ограничивает конституционные права на свободу и личную неприкосновенность. Единая природа данного конституционного права предполагает и единые правовые гарантии его судебной защиты [1].

Мотивируя необходимость зачета времени домашнего ареста в срок заключения под стражу, а в последствии и в срок наказания, Конституционный Суд РФ исходил из того, что понятие «лишение свободы» в его конституционно-правовом смысле имеет автономное значение и любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы (будь то санкция за правонарушение или принудительные меры, обеспечивающие производство по делу), входят в это понятие. Задержание, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы (п. 3) [2].

Европейский Суд по правам человека в своих решениях обратил внимание на то, что лишение физической свободы фактически может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению, при этом предложил оценивать не по формальным, а по сущностным признакам (п. 42) [3]. Европейским Судом были сформулированы и сущностные признаки категории «лишение свободы». К таковым он отнес: принудительное пребывание в ограниченном пространстве; изоляцию человека от общества, семьи; прекращение выполнения служебных обязанностей; невозможность свободного передвижения; невозможность свободного общения с неограниченным кругом лиц [4]. Исходя из

позиции Европейского Суда, различие между лишением и ограничением свободы состоит «в степени или суровости, а не в природе или сущности» [5].

В 2018 г. система мер пресечения в уголовном процессе была дополнена новой мерой пресечения – запретом определенных действий. Пунктом 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ предусмотрен такой запрет, как выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях. Если следовать выше рассмотренным позициям Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека, то данный запрет по его сущностно-правовому смыслу (так как предполагает принудительное пребывание в ограниченном пространстве и изоляцию от общества, невозможность свободного передвижения, невозможность свободного общения с неограниченным кругом лиц) соответствует лишению свободы. Исходя из чего становится понятным, почему законодатель пошел по пути возможности зачета срока нахождения лица под таким запретом в срок содержания под стражей, а значит – в срок наказания.

В соответствии с ч. 10 ст. 109 УПК РФ в срок содержания под стражей наряду с временем, на которое лицо было задержано в качестве подозреваемого, временем домашнего ареста и др. также засчитывается время, в том числе запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, из расчета *два дня его применения за один день содержания под стражей* (выделено нами. – О.А., А.Р., М.С.). Кроме того, согласно требованиям УПК РФ (п. 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ) резолютивная часть обвинительного приговора должна содержать решение о зачете времени предварительного содержания под стражей, если к подсудимому до постановления приговора применялись в том числе меры запрета определенных действий, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

При этом в ч. 3.4 ст. 72 УК РФ возможности зачета срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания и коэффициентов кратности не установлено. Если следовать ч. 10 ст. 109 УПК РФ, то зачет срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания возможен только путем промежуточного перерасчета в срок содержания под стражу, и коэффициент кратности в этом случае будет аналогичным установленному для домашнего ареста.

Как свидетельствует анализ изученной практики¹, суды при избрании запрета определенных действий и установления запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в своих решениях устанавливают различные временные пределы в часах. В частности, в судебных решениях содержатся запреты: «не покидать жилое помещение в период с 00.00 до 23.59; не покидать жилое помещение с 22 час до 08 утра; не выходить за пределы домовладения, за исключением периода времени с 12 часов 00 минут по 14 часов 00 минут, и времени, необходимого для явки к следователю и в суд, и посещения медицинских учреждений при наличии соответствующих оснований; не

выходить за пределы жилого помещения, за исключением времени для приобретения продуктов питания в период с 11 часов 00 минут до 12 часов 00 минут каждых суток, и времени, необходимого для явки к следователю и в суд, и посещения медицинских учреждений при наличии соответствующих оснований, либо в случае явной угрозы ему или его близким и др.

Совершенно обоснованно отсутствуют на практике случаи, где период действия запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, равнялся бы суткам. В таком случае это подменяло бы такую меру пресечения, как домашний арест.

Между тем особому анализу подлежат те случаи, где ограничения на выход из жилого помещения при применении запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, максимально приближены к 24 часам (суткам). Возникает вопрос, не осуществляется ли здесь подмена меры пресечения домашнего ареста на запрет определенных действий, с условием, что изоляция в жилом помещении устанавливается на 24 часа, а запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, могут быть применены и при избрании домашнего ареста (ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ)? Этот вопрос требует дальнейшего самостоятельного исследования.

Очевидно, что степень ограничения свободы передвижения лица при домашнем аресте является более существенной (даже исходя из построения системы мер пресечения (ст. 98 УПК РФ) от менее – к более тяжкой). В качестве общего правила, в соответствии с ч. 1 ст. 107 УПК РФ, домашний арест предполагает запрет на выход из жилого помещения в течение полных суток установленного периода и нахождение подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. Возможность покидать жилое помещение при домашнем аресте – это исключение, которое должно быть обоснованным. Вместе с тем пропорция зачета времени нахождения на домашнем аресте и запрете, предусмотренном п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК, в срок заключения под стражу является идентичной (ч. 3.4 ст. 72 УК РФ, п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ) и составляет два к одному.

Анализ выше приведенной практики показывает, что сутки нахождения на домашнем аресте не равняются по интенсивности существования ограничений права на свободу, на передвижение подозреваемого, обвиняемого суткам нахождения на запрете, предусмотренном п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, где ограничения действуют только определенный часовой период. В частности, ограничение в виде запрета покидать жилое помещение с 22.00 до 08.00 при запрете определенных действий не равняется 24-часовому нахождению в изоляции при домашнем аресте. В этой связи является очевидным, что запрет, установленный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, и домашний арест не совпадают по своему уголовно-процессуальному и конституционному смыслу.

Проведенный анализ изученной практики деятельности судов по зачету времени запрета, установлен-

ного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания, в отсутствие прямого нормативного регулирования со стороны уголовного закона, позволил выделить следующие правоприменительные подходы (их выделение условно и основано на признаках типичности правоприменительных случаев).

1. Суды при вынесении приговора засчитывают срок существования запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, через срок содержания под стражей. Так, например, в приговоре Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга в резолютивной части указывается, что в соответствии с пп. 1, 1.1, 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ в срок содержания под стражей засчитывается время: на которое лицо было задержано в качестве подозреваемого; запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей; домашнего ареста. В силу п. «в» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ (в ред. ФЗ от 03.07.2018 № 186-ФЗ) время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день за два дня отбывания наказания в колонии-поселении.

2. Суды при вынесении приговора засчитывают срок существования запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в наказание без промежуточного перерасчета в срок заключения под стражу. Так, в приговоре Тейковского районного суда Ивановской области в резолютивной части установлено: срок применения к подсудимому предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запрета – с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ включительно – зачесть в срок наказания из расчета два дня применения указанного запрета за два дня отбывания наказания в колонии-поселении в соответствии со ст. 72 УК РФ.

3. Суды ссылаются на нормы УПК РФ, регулирующие зачет срока существования запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в содержание под стражу, а засчитывают при этом в срок наказания. Так, в приговоре Первомайского районного суда г. Мурманска содержится: в соответствии с п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ зачесть Суворову А.С. в срок отбывания наказания период действия в отношении него запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, из расчета два дня его применения за один день отбывания наказания в исправительной колонии строгого режима.

Изученная практика судебного правоприменения положений УК РФ и УПК РФ при зачете срока нахождения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого на ограничении, предусмотренном п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, позволяет выявить и сформулировать несколько тенденций.

Во-первых, во всех проанализированных случаях судебные органы засчитывают срок ограничения, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания. Не встретилось судебного приговора, где суд отказал бы в учете этого срока с мотивировкой отсутствия прямого указания на возможность зачета в срок наказания в УК РФ.

Во-вторых, чтобы приговор в части зачета срока ограничения, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания был законным и обоснованным,

суды в своих решениях ввиду отсутствия прямого регулирования УК РФ этого вопроса ссылаются на положения п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, предусматривающего зачет срока ограничения в срок содержания под стражу, и ст. 72 УК РФ.

В-третьих, во всех изученных случаях, несмотря на временные пределы существования ограничения, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, суд исходит из точного срока его существования, по аналогии с домашним арестом. При изучении практики нам не встретились приговоры суда по изучаемым критериям, где количество суток, подлежащих зачету в наказание, определялась бы суммарным подсчетом часов.

Как представляется, предложенная сегодня законодателем пропорция зачета времени нахождения на домашнем аресте и на запрете, установленном п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, является несправедливой, не согласуется с принципом справедливости (ст. 6 УК), поскольку приравнивает по своим правовым последствиям (в части зачета в срок наказания) положение подозреваемых и обвиняемых, находящихся в условиях полной изоляции, при исполнении домашнего ареста и положение подозреваемых, обвиняемых при исполнении запрета, установленного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Последние оказываются в более выгодных условиях с позиции назначения будущего наказания, что неоправданно и необоснованно нарушает принцип равенства граждан перед законом и судом. Законодатель, вводя меры пресечения, включающие ограничения и запреты, действующие в различных временных пределах, должен был закрепить и дифференцированный подход к зачету срока такого запрета в срок наказания. При этом легальная возможность зачета срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, и коэффициент кратности такого зачета в срок наказания должны быть установлены в уголовном законе, в силу того, что данный вопрос является предметом материального права.

На основании выше изложенного можно сделать следующие выводы:

Во-первых, в настоящее время сложилась ситуация правовой неопределенности в части правового регулирования порядка зачета срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, при исполнении запрета определенных действий, как меры пресечения, в срок наказания.

Проанализированная ситуация свидетельствует о системных проблемах законодательного регулирования и практики применения положений УК РФ и УПК РФ в части вопроса о порядке зачета срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания, что нарушает принцип равенства и справедливости.

Законодатель, вводя различные меры пресечения, в рамках которых ограничения существуют в различных временных границах, должен был закрепить и дифференцированный подход к зачету срока ограничений в срок наказания.

Во-вторых, сложившаяся законодательная ситуация обуславливает существование различных правоприменительных подходов внутри судебной системы страны, что нарушает базовые принципы, отраженные в Конституции РФ (принцип равенства граждан ч. 1 ст. 19), а также подрывает основы назначения наказания (законности, справедливости ст. 3, 6 УК РФ) и нарушает принцип правовой определенности.

Выработанный правоприменительной практикой способ, когда зачет срока рассматриваемого ограничения осуществляется через промежуточный зачет в срок содержания под стражу, не позволяет системно и полно решить этот вопрос, так как не охватывает случаи, когда запрет, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, применяется как первичная мера пресечения и ни задержание, ни заключение под стражу к подозреваемому и обвиняемому ранее не применялись.

В-третьих, в настоящий момент есть все основания для обращения в Конституционный Суд РФ в порядке гл. XIII ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [6] с запросом о неконституционности уголовно-процессуального, процессуального и уголовного законов в части регулирования вопроса при рассмотрении конкретных уголовных дел, где возникает вопрос о зачете срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания.

В-четвертых, до разрешения этого вопроса на уровне Конституционного Суда РФ или уровне материального закона, учитывая необходимость соблюдения и обеспечения принципа равенства граждан перед законом и судом, учитывая сущность запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, а также следуя общим принципам назначения наказания, видится необходимым при зачете времени нахождения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого на такой мере пресечения, как запрет определенных действий, под запретом, установленным п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, учитывать конкретное время существования запрета в часах и определять срок для зачета в срок наказания суммарно.

Регулирование вопроса зачета сроков мер пресечения в срок заключения под стражу – это предмет уголовно-процессуального права, а зачет сроков мер пресечения в срок наказания – предмет уголовного права. Так как УК РФ не содержит возможность и правила зачета срока запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в срок наказания, правильным представляется при обосновании зачета срока этого запрета производить его через зачет в срок заключения под стражу со ссылкой на п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, а потом производить зачет срока заключения под стражу в срок наказания в соответствии с правилами ст. 72 УК РФ.

Примечания

¹ Изучены, обобщены и систематизированы по заданным параметрам решения судов общей юрисдикции о применении меры пресечения в виде запрета определенных действий, вынесенные по первой инстанции за 2021 г., отобранные методом случайной выборки из базы судебных решений КонсультантПлюс.

Список источников

1. Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1690-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кажяевой Светланы Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью восьмой статьи 107 УПК Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.02.2022).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.02.2022).
3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 ноября 1994 года по делу «Кеммаш (Kemmache) против Франции» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.02.2022).
4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1994 года по делу «Мюррей (Murray) против Соединенного Королевства» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.02.2022).
5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 января 2010 года по делу «Гиллен и Кинтон (Gillan and Quinton) против Соединенного Королевства» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.02.2022).
6. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.02.2022).

References

1. Consultant Plus. (2016) *Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 19, 2016 N 1690-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kazhaeva Svetlana Borisovna about the violation of her constitutional rights by Part Three of Article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part Eight of Article 107 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
2. Consultant Plus. (2009) *Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2009 N 9-P "On the case of checking the constitutionality of a number of provisions of Articles 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 and 30.7 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, Item 1 of Article 1070 and Item 3 of Article 1100 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 60 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens M.Yu. Karelina, V.K. Rogozhkin and M.V. Filandrov"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
3. Consultant Plus. (1994) *Judgement of the European Court of Human Rights of November 24, 1994 in the case of Kemmache v. France*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
4. Consultant Plus. (1994) *Judgement of the European Court of Human Rights of October 28, 1994 in the case of Murray v. the United Kingdom*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
5. Consultant Plus. (2010) *Judgement of the European Court of Human Rights of January 12, 2010 in the case of Gillan and Quinton v. the United Kingdom*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
6. Consultant Plus. (2021) *Federal constitutional law of July 21, 1994 N 1-FKZ (as amended on July 1, 2021) "On the Constitutional Court of the Russian Federation"*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

Информация об авторах:

Андреева О.И. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru

Рукавишникова А.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: satsana@yandex.ru

Свиридов М.К. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kafedra.ups@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.I. Andreeva, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru

A.A. Rukavishnikova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Tomsk State University, (Tomsk, Russian Federation). E-mail: satsana@yandex.ru

M.K. Sviridov, Dr. Sci. (Law), professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kafedra.ups@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.*

*The article was submitted 10.02.2022;
approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.*